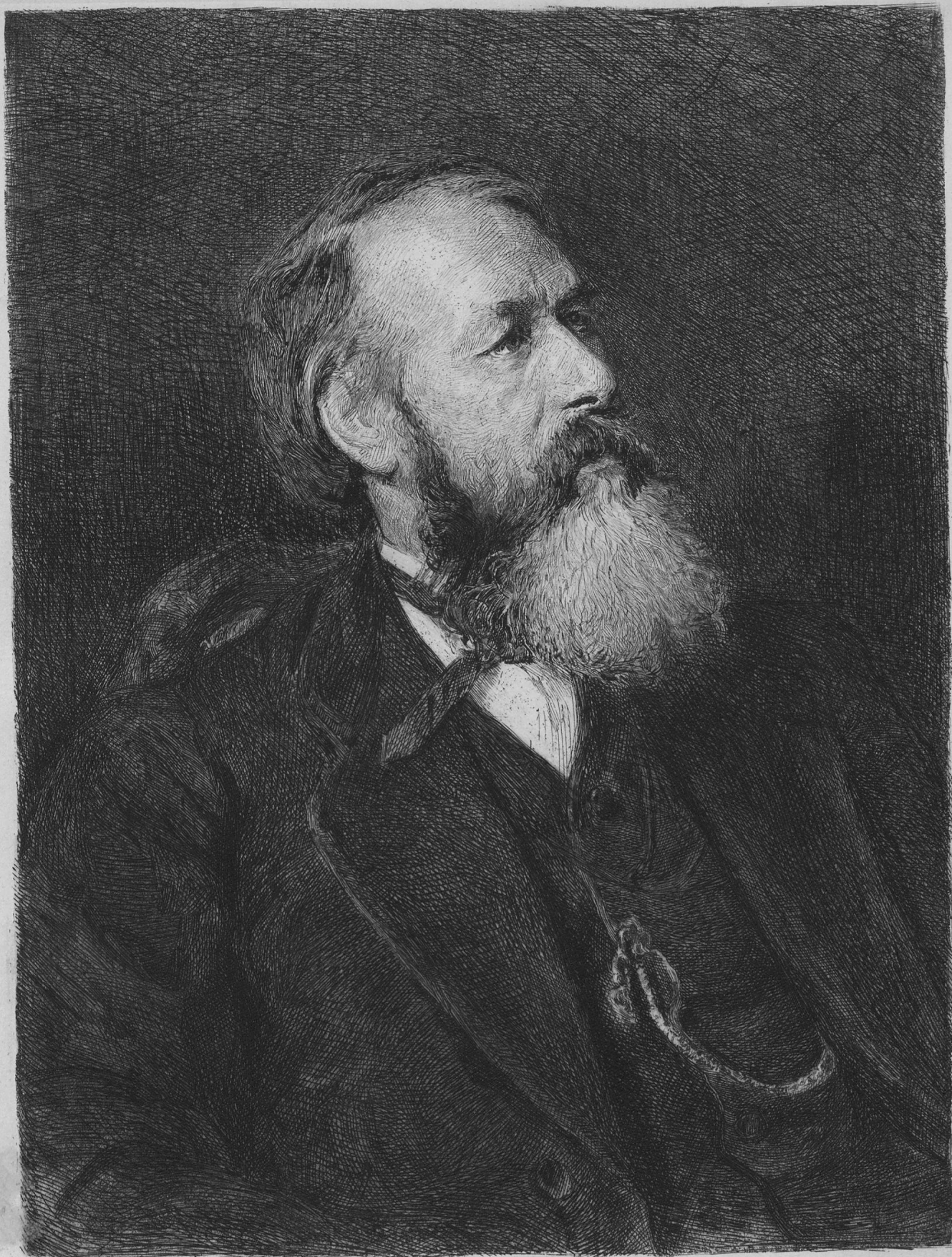

ПИСАТЬ ИРЪПИНЪ 1873 г.

И. Ставо

ГРАВ. ОФОРТЪ В. МАТЪ

30.1
18.49.2.49-1

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В. В. СТАСОВА

1847—1886.

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ЕГО ПОРТРЕТА И СНИМКА СЪ ПОДНЕСЕННАГО
ЕМУ АДРЕСА.

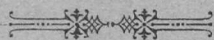
ТОМЪ I.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ СТАТЬИ.

Отд. 1. Исторія художествъ и художествен-
ныхъ произведений.

Отд. 2. Критика художественныхъ произве-
дений.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

1894.

и сапоги, и пояса, и каймы платья, и, всего болѣе,—разнообразныя и курьезныя головныя покрышки, все, все здѣсь чуждо нашему народу и нашей національной древности. Вездѣ здѣсь мы встрѣчаемъ элементы и подробности, чуждые намъ, иноземные.

Замѣчу вдобавокъ, хотя въ настоящую минуту только вскользь, впредь до подробныхъ доказательствъ, что типъ лица, очертаніе глазъ, носа, у всѣхъ дѣйствующихъ лицъ картины, равнымъ образомъ не представляютъ ничего русскаго, и даже вообще славянскаго.

ВОПРОСЪ III.

Композиція Академическаго Евангелія составляетъ ли единичное исключеніе, или подобныя примѣры можно встрѣтить и въ другихъ древнихъ нашихъ рукописяхъ?

Отвѣчаю: подобныхъ примѣровъ можно встрѣтить не мало въ разныхъ другихъ еще нашихъ рукописяхъ XIII и XIV вѣка. Только нигдѣ до сихъ поръ я не встрѣчалъ въ такой степени ясно и полно выраженнымъ тотъ принципъ, который я старался изложить въ настоящемъ сообщеніи. Въ теченіе моихъ 25-лѣтнихъ работъ надъ инициалами и орнаментистикой русскихъ рукописей, я много разъ находилъ такіе рисунки, фигуры, группы, которые казались мнѣ немислимыми, безцѣльными въ отдѣльномъ проявленіи, и получали иное значеніе, когда я представлялъ ихъ себѣ отрывками изъ какихъ-то картинъ или композицій, составленныхъ изъ многихъ фигуръ и группъ. Но отрывки эти являются всегда случайными, разрозненными, съ явнымъ пропускомъ неопредѣлимаго уже теперь количества другихъ еще фигуръ и группъ. Черезъ это сильно затрудняется уразумѣніе общей композиціи и объясненіе ея состава. Нигдѣ не повторяется та самая сцена, которую мы видимъ въ Академическомъ Евангеліи. Почти въ каждой рукописи есть свои особые сцены или картины. Впрочемъ, иногда въ данной рукописи мы видимъ повтореніе отдѣльныхъ фигуръ и группъ, извѣстныхъ намъ въ

другихъ рукописяхъ, но тутъ же прибавлено нѣсколько новыхъ фигуръ и группъ. Все это я надѣюсь подробно и документально изложить въ текстѣ своей книги.

Тамъ же я изложу свои соображенія и о томъ, откуда, изъ какихъ странъ и народовъ, и изъ какихъ именно художественныхъ и художественно-промышленныхъ предметовъ и композицій могли, по моему мнѣнію, происходить тѣ рисунки, которые въ XIII и XIV вѣкахъ очутились въ инициалахъ и заставкахъ русскихъ церковныхъ книгъ.

Теперь, покуда, заявлю только, что самое вѣроятное происхожденіе нашихъ композицій—съ большихъ ковровъ и металлическихъ сосудовъ, вѣроятно цилиндрической формы, на которыхъ, какъ въ древніе историческіе періоды, такъ по преемству, и въ теченіе среднихъ вѣковъ, можно указать цѣлый рядъ композицій, болѣе или менѣе родственныхъ съ нашими.

Замѣчу также, что я ни въ малѣйшей мѣрѣ не сомнѣваюсь въ томъ, что инициалы западно-европейскихъ средне-вѣковыхъ рукописей представляютъ то самое явленіе, что и наши, и что въ этихъ инициалахъ точно также скрыты композиціи, группы и сцены, до сихъ поръ разрозненныя, неузнанныя и неопредѣленныя. Это я могу съ достовѣрностью утверждать вслѣдствіе разсматриванія мною, въ теченіе многихъ лѣтъ, столько характерныхъ рукописей ирландскихъ, мервингскихъ, вестготскихъ, ломбардскихъ и др., въ бібліотекахъ Лондона, Парижа, Мадрида, Петербурга и т. д., а равно вслѣдствіе долготѣящаго изученія всѣхъ главнѣйшихъ палеографическихъ изданій (со включеніемъ монументальнаго изданія графа Бастара). Я вполне увѣренъ, что труды достойныхъ ученыхъ, изслѣдующихъ теперь инициалы и орнаментистику средне-вѣковыхъ западно-европейскихъ рукописей, приведутъ къ результатамъ, аналогичнымъ съ тѣми, которые мнѣ удалось изйти въ нашихъ русскихъ рукописяхъ XIII и XIV вѣка.

(„Памятники древней письменности и искусства“ 1884).

Тронъ хивинскихъ хановъ.

Съ 1874 года, въ Оружейной Палатѣ, въ Москвѣ, хранится серебряный тронъ хивинскихъ хановъ, присланный въ Москву бывшимъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ вскорѣ послѣ взятія имъ столицы Хивинскаго ханства. Этотъ художественный памятникъ приваложить къ числу замѣчательнѣйшихъ предметовъ Оружейной Палаты и рѣдчайшихъ образчиковъ средне-азіатскаго искусства. Къ несчастью, не смотря на то, что прошло уже цѣлыхъ 12 лѣтъ со времени прибытія его въ Россію, почти никто у насъ не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Даже, смѣло можно сказать, почти никто не видалъ его. Фактъ—странный, поразительный, неимоверный, но тѣмъ не менѣе вполне справедливый. Если этотъ

тронъ никому у насъ не нуженъ, никого не интересуетъ, ни ученыхъ, ни художниковъ, ни публику, если онъ въ теченіе 12 лѣтъ не успѣлъ возбудить къ себѣ любопытства ни специальныхъ восточниковъ, ни простыхъ археологовъ, ни даже еще болѣе простыхъ туристовъ, фланеровъ, репортеровъ, описателей, рассказчиковъ впечатлѣній изъ толпы, то, спрашивается, стоило ли трогать его съ мѣста, стоило ли тревожить очень многихъ людей, передвигавшихъ его, укупоривавшихъ, перевозившихъ за нѣсколько тысячъ верстъ, черезъ пустыни и пески, для того только, чтобы онъ стоялъ въ заброшенномъ и забытомъ углу, никѣмъ невидимый? Спросите кого угодно, изъ всѣхъ перебивавшихъ въ Москвѣ въ эти 12 лѣтъ, въ томъ числѣ въ 1882-мъ и 1883-мъ годахъ, когда все-

россійская выставка, а, годъ спустя, коронація, привлекли въ Москву сотни тысячъ посѣтителей, спросите кого хотите: „Видѣли вы хивинскій тронъ?“ — и всѣ вамъ отвѣтятъ: „Нѣтъ! А гдѣ онъ находится, и какой онъ такой?“

Нѣтъ, право, ему лучше бы такъ-таки и оставаться въ Хивѣ.

Попробую поправить это дѣло. Помогать мнѣ будутъ: во-первыхъ, фотографіи, прекрасно снятыя съ оригинала нашимъ отличнымъ фотографомъ И. О. Барцевскимъ (постоянно предпринимающимъ фотографическія экскурсіи изъ Ростова-Ярославскаго во всѣ края нашего отечества, результатомъ чего являются 25 толстыхъ томовъ великолѣпно исполненныхъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ созданий искусства), а, во-вторыхъ, подробнѣйшія свѣдѣнія о хивинскомъ тронѣ, полученныя мною отъ попечителя виленаго учебнаго округа, дѣйств. ст. сов. Ал. Лудв. Куна.

Г. Кунъ — одна изъ личностей, состоявшихъ при генералъ-адъютантѣ фонъ-Кауфманѣ во время всѣхъ его средне-азиатскихъ экспедицій, и оказавшихъ при этомъ много самой существенной пользы нашей наукѣ и художественному званію. Какъ самъ полувосточникъ (мать его была родомъ армянка), какъ бывший студентъ Петербургскаго университета по восточному факультету, онъ, по настоянію покойнаго профессора В. В. Григорьева, служилъ сперва въ Оренбургѣ, а въ 1868 году перемѣщенъ въ распоряженіе генерала Кауфмана, который и поручилъ ему заниматься въ Средней Азіи собираніемъ научныхъ матеріаловъ и коллекцій для русскихъ учевыхъ обществъ. (Впослѣдствіи онъ состоялъ главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края). Фонъ-Кауфманъ былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ генераловъ; какъ превосходно воспитанный нѣмецъ, глубоко уважавшій науку и искусство, онъ всегда ревностно заботился о томъ, чтобы движенія русскихъ войскъ въ Азіи не оставались безъ благотворныхъ послѣдствій для просвѣщенія. Въ этомъ онъ былъ похожъ на генераловъ французскихъ и англійскихъ, которые обогатили свое отечество безчисленными важными памятниками всякаго рода — рукописями, разнообразнѣйшими художественными произведеніями изъ камня, дерева, золота, серебра, мѣди, желѣза, стекла, терракотты, кожи, наконецъ народными костюмами и уборами. Наши военные начальники почти никогда ни о чемъ подобномъ не заботились, а когда, во время послѣдней турецко-болгарской войны, я обратился къ офицерамъ нашей арміи съ открытымъ письмомъ, напечатаннымъ на страницахъ „Новаго Времени“¹⁾, и упрасивалъ ихъ взять себѣ въ примѣръ, въ этомъ отношеніи, французовъ и англійчанъ, стараться приобрѣтать въ Болгаріи для Россіи чтò возможно изъ художественныхъ и научныхъ памятниковъ (конечно, не путемъ насилія и грабежа, а покупкой, мѣной, добровольнымъ даромъ, вниманіемъ къ случайнымъ находкамъ и раскопкамъ и т. д.), то никто изъ нихъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на мои слова, а мое открытое письмо подверглось публичному осмѣ-

лянію въ разныхъ газетахъ, въ стихахъ и прозѣ. Но генералъ Кауфманъ думалъ иначе, и жадно заботился о томъ, чтобы въ Россію пошло какъ можно болѣе памятниковъ средне-азиатской письменности и искусства. Многие наши публичные собранія и музеи обогатились драгоцѣннѣйшими предметами. Такъ, напримеръ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится теперь безцѣнное сокровище: арабскій коранъ VIII вѣка громадныхъ размѣровъ, принадлежавшій прежде главной Самаркандской мечети, и, вмѣстѣ съ этимъ кораномъ, огромное количество арабскихъ, персидскихъ, средне-азиатскихъ и другихъ восточныхъ рукописей; въ Азіатскомъ Музеѣ нашей Академіи наукъ находится также масса драгоцѣнныхъ рукописей, полученныхъ изъ Средней Азіи; множество золотыхъ и серебряныхъ женскихъ украшеній и конскіе уборы, оружіе, монеты и печати хивинскихъ хановъ украшаютъ коллекціи Царскосельскаго Арсенала, Московскаго Политехническаго Музея, Географическаго Общества и здѣшняго Общества поощренія художествъ. Все это было собрано и послано въ Россію по желанію и распоряженію К. П. фонъ-Кауфмана. При этомъ, исполнителемъ его указаній былъ постоянно А. Л. Кунъ. Наша наука и искусство много ему обязаны.

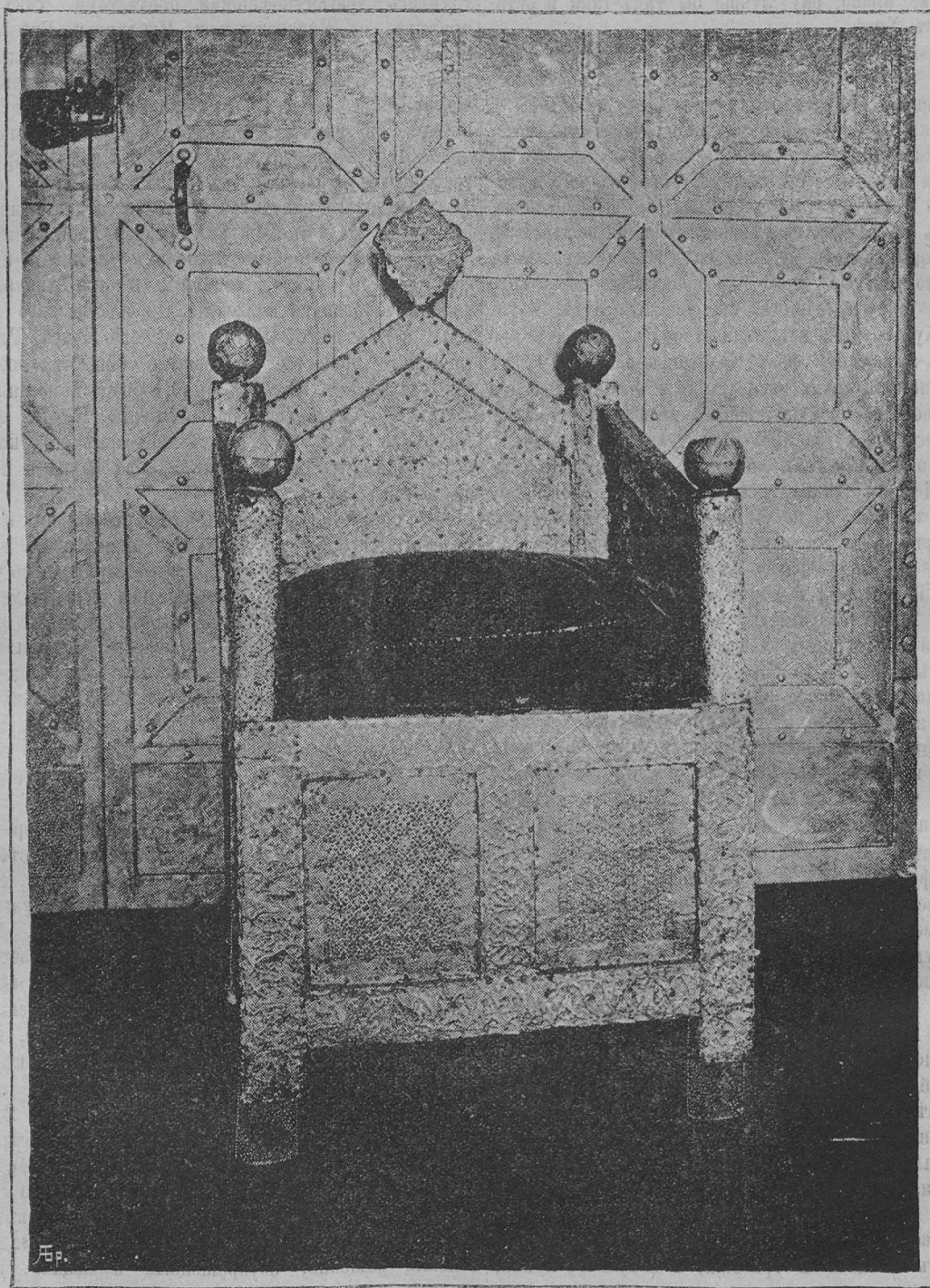
Я давно уже зналъ, съ разныхъ сторонъ, о томъ участіи, которое А. Л. Кунъ принималъ въ исполненіи распоряженій генерала фонъ-Кауфмана по части всего художественнаго въ Средней Азіи, а теперь, не находя нигдѣ въ нашей печати свѣдѣній о хивинскомъ тронѣ и долго понапрасну обращаясь за ними къ нашимъ ученымъ генераламъ и офицерамъ, участвовавшимъ въ средне-азиатскихъ походахъ, я вздумалъ, наконецъ, обратиться къ А. Л. Куну. На мой вопросъ онъ отозвался съ большою готовностью и любезностью, и немедленно же сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія:

„Тронъ хивинскаго хана помѣщался въ пріемной залѣ дворца, которая находилась на южной сторонѣ главнаго дворцоваго двора. Дворикъ этотъ, вымощенный кирпичемъ, представлялъ квадратную площадку, не болѣе 40 футовъ во всѣ стороны. Генералъ фонъ-Кауфманъ вступилъ съ русскими войсками въ Хиву 29 мая 1873 года. Какъ теперь помню, послѣ торжественнаго триумфальнаго вступленія въ столицу ханства, мы всѣ, сильно утомленные, впервые расположились здѣсь, на этомъ дворикѣ, на отдыхъ. Константинъ Петровичъ и вся его свита размѣстились на террасѣ передъ этой залой. Зданіе на террасѣ, подпертое довольно красивыми рѣзными деревянными колоннами, представляло изъ себя что-то въ родѣ совершенно открытаго портика. Онъ имѣлъ около 35 футовъ вышины, 25 футовъ ширины и 12 футовъ глубины. По угламъ стояли небольшія башенки, изукрашенныя изразцами. Полъ террасы и пріемной залы былъ выложенъ кирпичомъ и устланъ циновками. Пріемная зала по величинѣ представляла продолговатую комнату, футовъ 40 въ длину и 10 въ ширину; стѣны ея были украшены довольно грубыми фресками въ восточномъ вкусѣ, изображавшими по большей части цвѣты, виноград-

¹⁾ 1878, № 664.

ныя лозы и небольшія деревья съ плодами самаго грубаго рисунка и совершенно несообразныхъ цвѣтовъ. У юго-западной стѣны этой залы, на небольшомъ квадратномъ возвышеніи, стоялъ ханскій тронъ. Вы-

выми рѣшетками. Потолокъ въ залѣ и на террасѣ былъ покрытъ лѣпными работами изъ алебаstra, мѣстами довольно оригинальной окраски. Тронъ, по вѣншему виду, весьма напоминаетъ наши старин-

сто оконъ, какъ принято въ Средней Азіи, на северной сторонѣ былъ рядъ дверей, выходившихъ на террасу. Надъ ними—небольшія окна, съ алебастро-

ные царскіе троны. Сдѣланъ онъ изъ дерева и обитъ весьма тонкимъ листовымъ серебромъ, по которому вытиснены узоры персидскаго характера. Подушка

на тронѣ была покрыта кожей. На высокой спинкѣ трона находится орнаментальная серебряная дощечка съ надписью: „Во время Магометъ-Рахима, шаха хорезмского, въ 1231 году, въ Хивѣ (исполнено) ¹⁾ издѣліе недостойнаго Магомета“.

„Пока К. П. фонъ-Кауфманъ отдыхалъ на террасѣ, я, осмотрѣвъ эту часть дворца, замѣтилъ въ приемной залѣ этотъ тронъ и небольшую закрытую дверцу съ террасы, ведущую въ ханское книгохранилище, состоявшее всего изъ небольшой комнатки. Доложивъ обо всемъ мною видѣнномъ К. П. фонъ-Кауфману, я немедленно получилъ отъ него разрѣшеніе взять тронъ и всѣ книги съ бумагами изъ библіотеки. По второму моему докладу, разрѣшено было тронъ отправить въ Москву. Изъ Хивы тронъ былъ отосланъ, при содѣйствіи походнаго инженернаго вѣдомства, на пароходѣ, въ Казань, а оттуда, черезъ транспортную контору, въ Москву“.

„Вы спрашиваете: Какую сенсацію произвела отправка трона среди мѣстнаго населенія? Затрудняюсь отвѣчать на это опредѣленно, такъ какъ съ нашимъ вступленіемъ въ Хиву большая часть жителей скрылась, и во дворцѣ почти никого не было изъ туземцевъ. Тронъ былъ вывезенъ изъ дворца въ началѣ іюня, такъ, между 3-мъ и 4-мъ числами. Во дворцѣ, при приѣмѣ мною книгъ, документовъ и трона, было лишь нѣсколько человекъ изъ туземцевъ, которые встрѣтили наше вступленіе въ столицу въ качествѣ депутаціи отъ населенія. Замѣчу, что, по занятіи Хивы, разбѣжавшіеся жители очень медленно возвращались въ городъ. Дворецъ былъ найденъ нами опустошеннымъ. Видно было, что изъ него начали вывозить вещи въ день нашего вступленія въ городъ, и всюду разбросанные предметы указывали на торопливые сборы. Рассказывали, что до 29 мая, дня нашего вступленія, хивинцы не хотѣли вѣрить въ возможность нашего появленія въ городѣ. Припоминая всѣ обстоятельства нашего вступленія во дворецъ и равнодушіе средне-азіятскаго туземца ко всякимъ сильнымъ явленіямъ, я думаю, что вывозъ трона изъ дворца, если бы даже всѣ жители были на-лицо въ городѣ, и этотъ фактъ совершался „на міру“, на ихъ глазахъ, не произвелъ бы никакой сенсаціи. О существованіи этого трона во дворцѣ въ народѣ не знали, и онъ не считался „святыней“. Сами дворцовые жители (ихъ было, впрочемъ, немного) мало интересовались совершавшейся упаковкой трона во дворцѣ. Если бы этотъ тронъ имѣлъ въ Хивѣ то значеніе, которое вамъ кажется, то его увезли бы. Напротивъ, видно было полное равнодушіе къ этому предмету. Залъ, гдѣ найденъ былъ мною этотъ тронъ, оказался совершенно пустымъ: ковры, коими покрываютъ въ Азіи полы, были вывезены; на полу лежало лишь нѣсколько циновокъ, а тронъ оставался на возвышеніи, ничѣмъ не покрытый, весь въ пыли“.

Сообщаемыя здѣсь историческія свѣдѣнія о тронѣ хивинскомъ, какъ видитъ читатель, въ высшей степени интересны и важны, и теперь было уже очень пора получить ихъ и сообщить во всеобщее извѣ-

стіе. Ни въ какихъ официальныхъ бумагахъ не сохранилось ихъ слѣда; частнымъ лицамъ они были, повидимому, вовсе неизвѣстны, и, не будь настоящаго случайнаго запроса, они, вѣроятно, такъ и остались бы неизвѣстными навсегда.

Теперь перейдемъ къ самому трону.

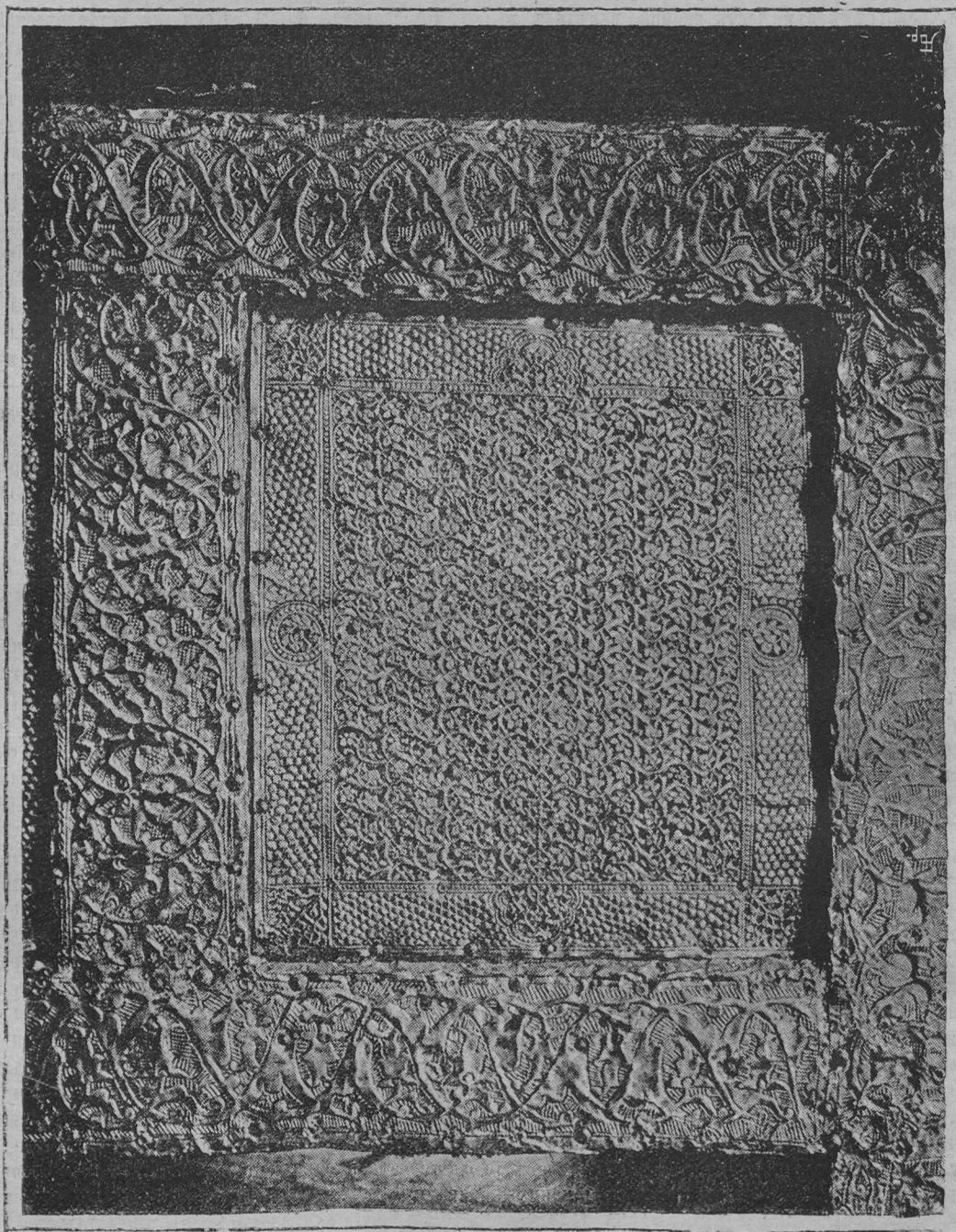
По словамъ А. Л. Куна, на металлической дощечкѣ сверху трона награвирована надпись, изъ которой мы узнаемъ, что онъ сдѣланъ нѣкимъ Магометомъ „въ 1231 году (гиджры), при Магометъ-Рахимѣ, ханѣ хорезмскомъ“. Значитъ, онъ явился на свѣтъ въ первой четверти настоящаго столѣтія, такъ какъ Магометъ-Рахимъ вступилъ на ханство раньше 1810 г. и ханствовалъ до 1825 года, а 1231 годъ гиджры соответствуетъ 1816-му по Р. Хр.

А. Л. Кунъ замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, хивинскій тронъ изготовленъ какимъ-нибудь плѣннымъ персіяниномъ, въ подражаніе трону персидскаго шаха (у персидскихъ царей, а потомъ шаховъ, троны были всегда необходимою принадлежностью). Къ этому онъ прибавляетъ еще, что орнаментация на тронѣ—персидская. Такимъ образомъ, надо было бы предположить, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего собственно средне-азіятскаго. Такое мнѣніе подкрѣплялось бы тѣмъ соображеніемъ, что возведеніе средне-азіятскихъ владыкъ на царство имѣло совершенно своеобразный характеръ и вовсе обходилось безъ трона. Ханы избирались между членами ханской семьи. Церемонія возведенія въ ханы состояла въ томъ, что избраннаго приводили въ ханскую кибитку и, посадивъ его на бѣлую кошму (войлокъ), приподнимали на воздухъ, громко провозглашая: „Ханъ, ханъ, ханъ!“ Обычай этотъ—монгольскій, его сохранили и средне-азіятскіе ханы, происходящіе съ узбековъ. Въ Бухарѣ существуетъ тотъ же обычай. Все это совершенно справедливо, но относится къ церемоніямъ, повторяющимъ древнѣйшіе преданія, обычаи и обряды средне-азіатовъ. Съ теченіемъ времени, многое у нихъ измѣнилось, и церемонія возведенія въ ханское достоинство, особливо въ походѣ, на войнѣ, среди кибитокъ, могла сохраниться во всей своей исторической неприкосновенности, а троны все-таки существовали. Уже очень скоро послѣ выхода изъ средне-азіатскихъ степей, дикари эти стали строить себѣ великолѣпнѣйшіе дворцы. Извѣстенъ дворецъ монгольскихъ хановъ, ближайшихъ преемниковъ Чингисъ-Хана въ Каракорумѣ, близъ рѣки Селенги, представлявшій собою удивительное созданіе искусства и весь наполненный изумительнѣйшими художественными произведеніями. Значитъ, монгольскіе ханы уже не довольствовались одними только кибитками и степными нравами. Но этихъ общихъ соображеній еще мало. Есть на-лицо болѣе частныя доказательства. Извѣстны великолѣпные дворцы Тамерлана въ Самаркандѣ: одинъ — главный, „Кокъ-Ташъ“, другой — лѣтній, „Ишратъ-Ханъ“, которыхъ остатки и развалины существуютъ до сихъ поръ. Извѣстенъ также въ первомъ изъ нихъ тронъ Тамерлана, „Кокъ-Ташъ“ (сѣрый камень). Но еще ранѣе того, въ XII-мъ вѣкѣ, итальянскій путешественникъ, монахъ Плано Карпини, описалъ превосходный и изящный тронъ изъ слоно-

¹⁾ Этого слова въ надписи нѣтъ.

вой кости, дѣланный какимъ-то русскимъ, видѣнный имъ въ Татаріи, у монгольскаго великаго хана. Все это доказываетъ, что у средне-азіатскихъ хановъ издревле бывали троны.

возражу, что Муравьевъ былъ приватъ Магометъ-Рахимомъ не въ тронной залѣ, а въ кибиткѣ, поставленной среди одного изъ дворовъ его ¹⁾, и что точно также, когда знаменитый Вамбери представ-

Мнѣ могутъ указать, пожалуй, на то, что, когда въ Хивѣ находился, въ 1819 и 1820 гг. нашъ капитанъ Генеральнаго штаба Николай Муравьевъ, посланный къ Магометъ-Рахиму для переговоровъ, то онъ не только не видалъ трона у хивинскаго хана, но даже ничего и не слышалъ про него. На это я

лялся хану въ 1862 г.; онъ тоже никакого трона не видалъ, а ханъ сидѣлъ или, точнѣе, лежалъ на чемъ-то, имѣвшемъ видъ эстрады, опершись лѣвой

¹⁾ Путешествіе въ Туркменію и Хиву *Николая Муравьева*. Москва, 1882, томъ I, стр. 131.

рукой на бархатную подушку ¹⁾. Изъ этого можно заключить, что оба раза приемъ былъ не самый парадный, и что тронная зала, о которой рассказываетъ А. Л. Кунъ, а съ нею и тронъ (въ то время уже несомнѣнно существовавшій), предназначены были всегда для приемовъ въ болѣе важныхъ и торжественныхъ случаяхъ.

Можно сказать почти навѣрное, что всякій, кто взглянетъ на тронъ хивинскихъ хановъ, тотчасъ же скажетъ: „А, персидская работа!“ Это же признаетъ, какъ мы видѣли выше, и А. Л. Кунъ. Дѣйствительно, въ большинствѣ средне-азиатскихъ художественныхъ произведеній, какъ собственно архитектурныхъ, такъ и всевозможныхъ художественно-промышленныхъ, персидскій элементъ играетъ очень крупную и важную роль. Но есть тутъ также нѣсколько другихъ элементовъ, имѣвшихъ въ образованіи разныхъ отраслей и видовъ средне-азиатскаго искусства не менѣе важное значеніе, и это справедливо особенно въ отношеніи искусства арабскаго. Но, кромѣ всѣхъ остальныхъ элементовъ, самую важную и видную роль занимаетъ элементъ средне-азиатскій. Онъ еще недостаточно изученъ, или, чтобы точнѣе выразиться, изученіе его начинается лишь въ настоящее время, благодаря такимъ сборникамъ средне-азиатскихъ художественныхъ, археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, каковы: фотографическій туркестанскій альбомъ, изданный генераломъ фонъ-Кауфманомъ, разнообразныя коллекціи, доставленныя имъ изъ Туркестана въ Россію, „Искусство Средней Азіи“ покойнаго Симачова (великолѣпный трудъ, къ стыду нашему до сихъ поръ вовсе у насъ не опѣненный по достоинству и даже совершенно не знаемый), атласъ при сочиненіи Уйфальви: „Expédition scientifique française dans le Turkestan etc.“. Поэтому, ничего нѣтъ мудренаго, что большинство людей, даже достаточно образованныхъ, смѣшиваютъ средне-азиатскіе художественные памятники и произведенія съ персидскими и арабскими. Но болѣе пристальное изученіе этихъ памятниковъ приводитъ къ открытію въ нихъ присутствія многихъ разнообразныхъ элементовъ собственно средне-азиатскихъ, очень характерныхъ и оригинальныхъ. Особенно оно ясно въ орнаментистикѣ, а затѣмъ и въ очень многихъ архитектурныхъ частяхъ и подробностяхъ — колоннахъ, ихъ капителяхъ и базахъ, и т. д. Я не имѣю возможности въ настоящую минуту входить въ подробный разборъ и описаніе особенностей средне-азиатскаго искусства только по поводу одного хивинскаго трона, сколько онъ ни интересенъ самъ по себѣ: я считаю необходимымъ трактовать вопросъ о формахъ, стиляхъ и особенностяхъ этого искусства въ другомъ мѣстѣ (въ приготавливаемомъ теперь къ печати изданіи моемъ: „Славянскій и Восточный орнаментъ“); но уже и теперь я считаю возможнымъ заявить о самобытности и оригинальности средне-азиатскаго искусства. Эта самобытность и оригинальность проявляются, между прочимъ, и въ хивинскомъ тронѣ, полнымъ своеобразиемъ и красоты

во всей своей орнаментистикѣ, и выполненномъ, въ техническомъ отношеніи, съ такимъ же мастерствомъ, тонкостью и вкусомъ, какъ и большинство другихъ средне-азиатскихъ художественныхъ предметовъ. Нужды нѣтъ, что этотъ тронъ явился на свѣтъ еще очень недавно, въ послѣднее время, въ нашъ вѣкъ, въ первой его четверти. Чтò же изъ того, что онъ сдѣланъ недавно? Тысячи русскихъ полотенецъ вышиты всего только въ прошломъ или въ нынѣшнемъ году, но узоры ихъ восходятъ за 400, за 500, а можетъ быть, и больше лѣтъ, какъ это извѣстно, вѣроятно, многимъ, какъ я старался доказать документально въ своемъ сочиненіи: „Русскій народный орнаментъ“. Если даже допустить, что и въ самомъ дѣлѣ тронъ этотъ сдѣланъ какимъ-нибудь персидскимъ плѣнникомъ, какъ это предполагаетъ А. Л. Кунъ, то отъ этого нисколько не измѣнится сущность дѣла. Успенскій соборъ въ Москвѣ строилъ италіанецъ Фіораванти, однако въ этомъ соборѣ нѣтъ ничего италіанскаго, и онъ русскій отъ начала и до конца. Тамерлановъ дворецъ въ Самаркандѣ строили китайскіе архитекторы, и однако въ немъ китайскаго стиля ничуть не видать. Народы, не потерявшіе еще чувства національности, туго сдаются, и развѣ лишь съ боя уступаютъ свои народныя привычки, вкусы, образъ мыслей, складъ, стиль. Замѣтимъ притомъ, что Магометъ-Рахимъ былъ одинъ изъ самыхъ самобытныхъ средне-азиатскихъ деспотовъ, упорно охранявшихъ преданія, нравы и привычки древней своей родины. Муравьевъ называетъ его „необыкновеннымъ человекомъ“ по способностямъ и даже знаніямъ, но онъ былъ несокрушимъ въ своихъ привычкахъ и вкусахъ, и никакія чужія вліянія не дѣйствовали на него.

Серебряный тронъ хивинскихъ хановъ имѣетъ мало общаго съ Тамерлановымъ трономъ „Кокъ-Ташъ“, находящимся въ Самаркандскомъ дворцѣ. О послѣднемъ мы имѣемъ понятіе по фотографическому снимку, находящемся въ альбомѣ Кауфмана (томъ II-й, листъ 112). Это — глыба сѣраго мрамора, синевато-зеленоватаго оттѣнка, фута 4½ вышины, футовъ въ 10 длины, фута въ 4 ширины; онъ служилъ эстрадой для хановъ, садившихся на немъ на коврѣ. По словамъ Вамбери, Тамерлану этотъ камень служилъ „подножіемъ его трона“ ¹⁾ — слѣдовательно, самаго Тамерланова трона мы не знаемъ. По словамъ русскаго путешественника, барона Мейендорфа, бывшаго въ Самаркандѣ въ 1820 году, изъ этого камня тогда собирались устроить тронъ ²⁾. Сколько можно различить на фотографіи Кауфманскаго альбома, изъ-за желѣзной рѣшетки, окружающей теперь „Кокъ-Ташъ“, этотъ камень имѣетъ на углахъ коловки туркестанскаго стиля, врѣзанныя въ углы, а вертикальныя площади камня покрыты рѣзными орнаментами и надписями ³⁾.

¹⁾ Vambéry, Voyages d'un faux derviche, p. 189.

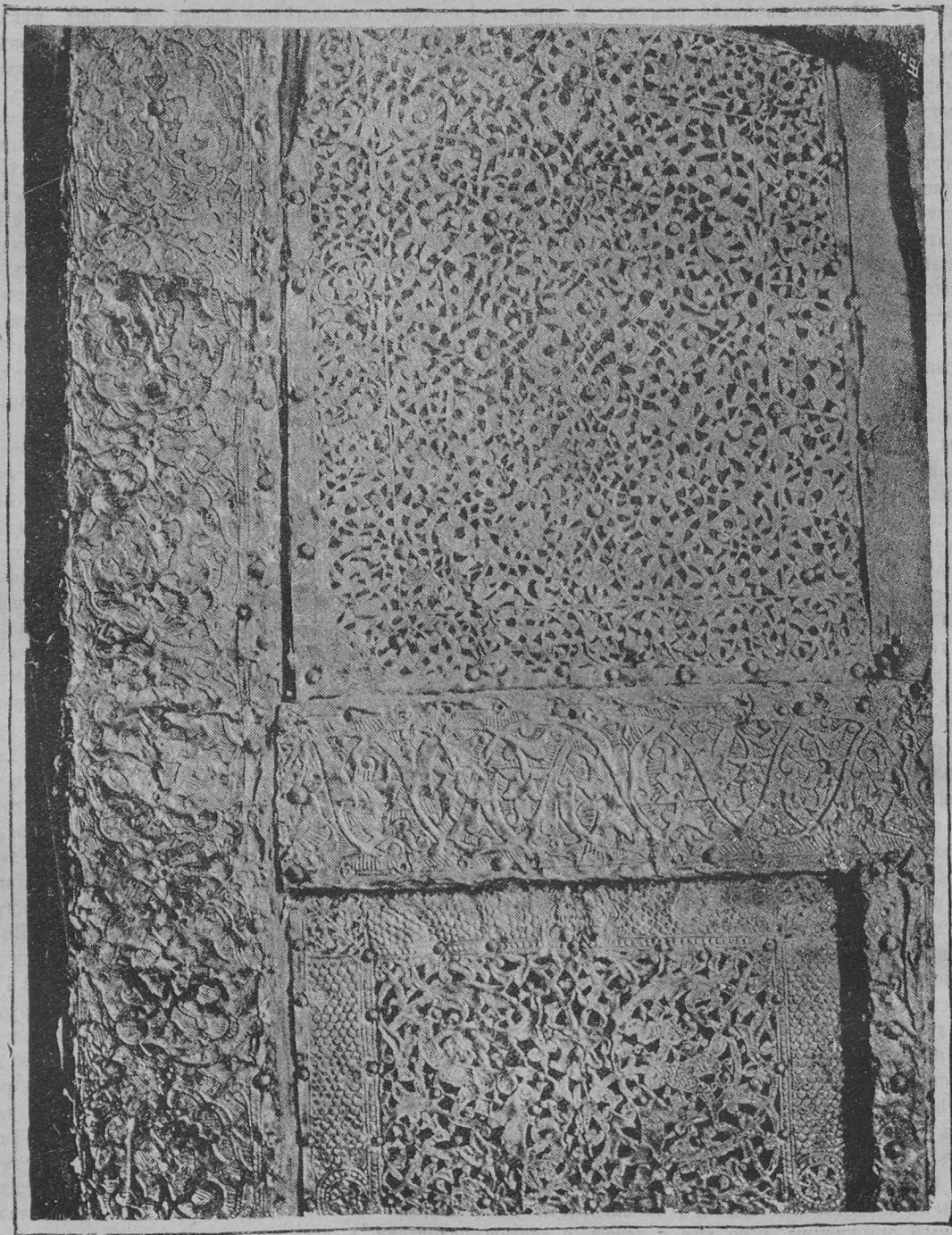
²⁾ Voyage d'Orenbourg à Boukara fait en 1820 par le baron G. de Meyendorff. Paris, 1826, p. 160.

³⁾ Художникъ Симачовъ, сопровождавшій великаго князя Николая Константиновича въ его средне-азиатскомъ путешествіи, снялъ гипсовые слѣпки съ Тамерланова

⁴⁾ Arminius Vambéri, Voyages d'un faux derviche ansd l'Asie Centrale. Paris, 1874, p. 114.

Но правда-ли, что хивинскій тронъ имѣетъ сходство съ тронами русскихъ царей?—Нѣтъ, онъ совершенно другаго характера.

Въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ, древне-царскихъ, очень характерныхъ троновъ, происхожденія восточнаго,—всего три. Самый старый изъ нихъ —

трона (Кокъ-Ташъ) и полный эземплиръ ихъ, въ собранномъ и отформованномъ видѣ, выставленъ теперь въ музеѣ Императорскаго Общества поощренія художествъ.

В. С.

персидскій тронъ, присланный Ивану Грозному персидскимъ шахомъ (по сказанію Петрея); въ послѣдствіи онъ былъ передѣланъ и называется нынѣ Царскимъ Мѣстомъ царя Михаила Феодоровича. Другой тронъ — тоже персидскій, присланный Борису Годунову ша-

хомъ-Аббасомъ въ 1604 году. Третій поднесенъ былъ въ 1660 году царю Алексѣю Михайловичу „кизилбашскаго (персидскаго) шахова ближняго челоуѣка Ихто Модевлетова купчиной армяниномъ Захаріемъ Сардаровымъ“; значитъ, этотъ тронъ тоже можно считать происхожденія персидскаго. (Мы, конечно не будемъ говорить здѣсь о „византійскомъ“ тронѣ, привезенномъ въ Россію изъ Константинополя при бракосочетаніи Ивана III съ Софіей Палеологъ). Всѣ три трона не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ хивинскимъ трономъ, ни въ общей формѣ, ни въ деталяхъ¹⁾. Одно изъ главныхъ отличій состоитъ въ томъ, что означенные три трона русскихъ царей не имѣютъ никакихъ орнаментовъ, и только украшены драгоценными камнями и эмалью, а хивинскій

тронъ сплошь покрытъ великолѣпнѣйшей орнаментацией, воспроизводящей цвѣты и растенія, преимущественно изъ свойственныхъ Средней Азіи.

Скажемъ еще, въ заключеніе, что громадный и сложный тронъ персидскихъ шаховъ, находящійся въ тронной залѣ Тегеранскаго дворца (впрочемъ, построенный Фетхъ-Али Шахомъ, значитъ въ началѣ настоящаго столѣтія¹⁾), а равно всѣ изображенія персидскихъ троновъ на миниатюрахъ персидскихъ рукописей и на барельефахъ персидскихъ зданій, ничуть не напоминаютъ формъ и деталей хивинскаго трона.

(„Вѣстн. Извѣщ. Искус.“ 1886, вып. 5, с. 405—417).

НУЖНА-ЛИ РУССКАЯ АКАДЕМІЯ ВЪ РИМѢ?

Съ 1885-го года въ нашей печати пошла рѣчь о необходимости устроить въ Римѣ отдѣленіе Академіи художествъ, для пансіонеровъ, посылаемыхъ за границу послѣ полученія большой золотой медали. Указывали даже на улицу и домъ, гдѣ такое отдѣленіе могло бы помѣститься. Увѣряли, что министерство иностранныхъ дѣлъ намѣрено уступить въ собственность Академіи художествъ домъ на Via dei Polacchi, гдѣ до настоящаго времени проживали нѣкоторые изъ третьестепенныхъ агентовъ нашего посольства; но такъ какъ домъ этотъ неудобенъ для Академіи, то она продастъ его, а на вырученные деньги выстроитъ новый домъ за Porta del Popolo или за Porta Pia. Называли даже то того, то другого художника нашего кандидата на мѣсто будущаго директора Римской Академіи. Но всѣ эти слухи были опровергнуты „Художественными Новостями“, изданіемъ, печатающимся по распоряженію Академіи художествъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этой газеты было заявлено, что все это дѣло остается покуда только въ состояніи смутнаго предположенія. Министерство иностранныхъ дѣлъ вовсе еще не выражало своего согласія на уступку Академіи своего дома въ Римѣ, и, вообще, ничего положительно не рѣшено по вопросу объ Академіи въ Римѣ, а потому всѣ предположенія по этому предмету преждевременны. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ № 17 отъ 15 августа тѣхъ же „Художественныхъ Новостей“ было напечатано: „По поводу замѣтки, помѣщенной въ № 14 „Новостей“, профессоръ А. П. Боголюбовъ проситъ насъ заявить о совершенной несостоятельности слуха (впервые пущеннаго въ ходъ парижскою газетою „Temps“ и затѣмъ повтореннаго многими другими иностранными и русскими газетами), будто въ директоры отдѣленія нашей Академіи художествъ въ Римѣ предполагается назначить его, г. Бо-

голюбова. Претензіи занять эту должность г. Боголюбовъ никогда не имѣлъ и не могъ имѣть уже по тому одному, что учрежденіе Русской Академіи въ Римѣ онъ считаетъ не могущимъ служить къ пользѣ нашего искусства и художниковъ“.

Русская Академія художествъ съ Римъ не можетъ быть полезна нашимъ художникамъ и нашему искусству—вотъ что я тоже давно думаю. Скажу даже больше того. Она, по моему мнѣнію, не будетъ полезна, но прямо будетъ вредна. Я очень радъ, что схожусь по этому дѣлу съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ художниковъ, и, притомъ, такимъ, который, живя уже много лѣтъ за границей (принуждаемый къ тому состояніемъ своего здоровья), давно уже могъ, не только въ теоріи, но и на практикѣ видѣть плоды „римскихъ академій“ и взвѣсивъ всѣ „за“ и „противъ“ въ этомъ вопросѣ.

Уже болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ я началъ высказывать свои соображенія о томъ, какъ не достигаютъ своей цѣли посланки художниковъ за границу, въ томъ видѣ, какъ это производится вездѣ, а въ томъ числѣ и у насъ. Я много разъ указывалъ на то, что, сколько полезно для художника побывать за границей, видѣть то, что создано въ разныхъ странахъ древними и новыми талантливыми художниками, всѣмъ полюбоваться, отовсюду извлечь себѣ совѣтъ и поученіе,—настолько же бесполезно и часто вредно быть прикованнымъ къ одному какому-нибудь городу; вредно поѣхать за границу и засидѣться тамъ на одномъ мѣстѣ, увѣровавъ со всѣмъ фетишизмомъ въ нѣсколькихъ старыхъ художниковъ прежняго склада и понятій; вредно закрывать глаза на современность и жить только преданіями. При такомъ образѣ мыслей, мнѣ было необыкновенно пріятно и дорого встрѣтить, выраженными въ печати, точно такія же мысли

¹⁾ См. Древности Россійскаго Государства, отдѣленіе II-е, листы 59—66; 74—77.

¹⁾ Coste et Flandin, Voyage en Perse, vol. VI, pl. 31, и Coste, Monuments de la Perse moderne, pl. LXII.

Арх. 262088
18. 49. 2. 49 1/2

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. В. СТАСОВА

1847—1886.

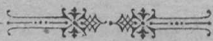
СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ЕГО ПОРТРЕТА И СНИМКА СЪ ПОДНЕСЕННАГО
ЕМУ АДРЕСА.

ТОМЪ II.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ СТАТЬИ.

Отд. 3. Критика художественныхъ изданій
и статей.

Отд. 4. Очерки жизни и дѣятельности ху-
дожниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

1894.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

(„Искусство Средней Азии“, Симакова).

Съ нынѣшняго мѣсяца ¹⁾ начало выходить въ свѣтъ изданіе, котораго нельзя не считать очень важнымъ явленіемъ въ нашей, всегда столько скудной художественной литературѣ. Это — „Искусство Средней Азии. Сборникъ орнаментовъ и узоровъ, снятыхъ съ натуры на памятникахъ архитектурныхъ и предметовъ гончарныхъ, ткацкихъ, ювелирныхъ и проч. членомъ самарской ученой экспедиціи Н. Симаковымъ въ 1879 году“. Какъ сказано на заглавномъ листѣ, „Общество поощренія художниковъ приняло на себя изданіе и наблюденіе за исправностью исполненія“, и это уже одно ручается, конечно, за то, что изданіе будетъ хорошо и что выборъ предметовъ изъ альбомовъ художника будетъ сдѣланъ со знаніемъ, вкусомъ и осмотрительностью. Но, не будь даже такого почтеннаго и вполне надежнаго ручательства, люди, слѣдящіе у насъ за искусствомъ и всяческими художественными дѣлами, могли уже изъ одного присутствія имени г. Симакова на заглавіи, какъ автора рисунковъ, быть твердо увѣрены, что изданіе это будетъ интересно и значительно и будетъ полно интереса не только для тѣхъ, кто специально изучаетъ народное искусство разныхъ племенъ, но даже и для массы публики. Имя г. Симакова уже не въ первый разъ появляется теперь передъ публикой. Нѣсколько лѣтъ назадъ, Академія художествъ приобрѣла у этого художника два его альбома: одинъ чувашскій, другой мордовскій (по 26 листовъ каждый), въ которыхъ была собрана цѣлая масса образцовъ орнаментистики этихъ двухъ народностей, узоры съ вышитыхъ полотенецъ, простынь, головныхъ уборовъ, узоровъ матерій и т. д. Съ этими альбомами познакомились въ музеѣ Академіи художествъ массы нашихъ художниковъ и любителей, и, конечно, отдали должную справедливость серьезной мысли, знанію, выбору и труду г. Симакова. Но тѣ альбомы были составлены еще въ 1875 и 1878 годахъ, и онъ не остановился на одномъ искусствѣ нашихъ финскихъ народностей. Въ 1879 году организовалась „самарская экспедиція“, имѣвшая цѣлью изслѣдовать и рѣшить вопросъ о направленіи среднеазиатской желѣзной дороги. Г. Симаковъ вошелъ въ составъ этой экспедиціи, въ качествѣ художника и археолога. Онъ былъ тутъ совершенно на своемъ мѣстѣ: многолѣтнія занятія его по части бытового искусства разныхъ нашихъ инородцевъ достаточно уже приготовили его взглядъ и понятіе къ изученію народнаго искусства, а потому, пріѣхавъ въ Ташкентъ, и раньше, чѣмъ пуститься въ среднеазиатскіе степи и города, онъ серьезно занялся предварительнымъ изученіемъ того искусства, котораго безчисленные и разнообразныя образцы предстояло ему увидѣть въ полномъ блескѣ и богатствѣ.

Въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ 3-го іюля 1879 года, въ извѣстіяхъ о томъ, какъ члены самарской экспедиціи готовятся къ своему путешествію, про г. Симакова было сказано: „Н. А. Симаковъ нашолъ въ ташкентскомъ музеѣ богатый источникъ для изученія края по своей специальности (исторія искусства); онъ уже снялъ фотографическіе снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ, по искусству отдѣлки, предметовъ музея. Для изученія орнаментики всѣхъ народностей Средней Азии, онъ нашолъ въ здѣшнемъ музеѣ широкое поле“. Изъ своего путешествія г. Симаковъ воротился съ богатымъ и въ высшей степени важнымъ для исторіи искусства альбомомъ. Болѣе двухъ лѣтъ онъ оставался у него въ рукахъ втѣпѣ, но теперь — великая въ томъ честь Обществу поощренія художниковъ — онъ начинаетъ издаваться по частямъ и въ самомъ достойномъ видѣ.

До сихъ поръ о среднеазиатскомъ искусствѣ было извѣстно очень мало. Въ рисункахъ путешественниковъ можно было встрѣтить едва лишь скудные, очень неудовлетворительные отрывки. Атласъ, приложенный къ путешествію знаменитаго Уйфальви, и невеликъ по объѣму, и изданъ въ миньютурныхъ размѣрахъ, и, наконецъ, большинство его рисунковъ безъ красокъ. Собраніе безконечно интересныхъ и столько разнообразныхъ среднеазиатскихъ предметовъ, доставленныхъ въ Россію бывшимъ начальникомъ Туркестанскаго края, генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ, доступно лишь тѣмъ немногимъ, кто будетъ въ Петербургѣ и Москвѣ и посѣтитъ музей Общества поощренія художниковъ въ Петербургѣ и политехнический музей; великолѣпные фотографическіе альбомы, снятые въ Туркестанѣ, по распоряженію также генералъ-адъютанта Кауфмана, съ туземныхъ типовъ, этнографическихъ сценъ, группъ и предметовъ архитектуры и мѣстностей, существуютъ всего лишь въ шести экземплярахъ — въ общемъ итогѣ выходило, что среднеазиатское искусство, для изученія котораго у насъ есть уже въ рукахъ столько превосходныхъ матеріаловъ, оставалось почти вовсе недоступнымъ для массы русской и европейской публики и художниковъ.

Теперь дѣло перемѣняется. Г. Симаковъ, своимъ изданіемъ, и Общество поощренія художниковъ, взявши на себя чудесную задачу помочь ему въ этомъ дѣлѣ, даютъ каждому художнику, каждому любителю, каждому интересующемуся челоѣку, возможность узнать, на многочисленныхъ рисункахъ, столько же превосходно выбранныхъ, сколько и превосходно исполненныхъ, въ краскахъ, съ золотомъ (всѣ предметы въ настоящую величину), литографіей г. Ильина, чѣмъ такое искусство Средней Азии, въ чемъ состоитъ художественная оригинальность тѣхъ далекихъ малоизвѣстныхъ народностей, о которыхъ до сихъ поръ было вездѣ такъ мало свѣдѣній.

¹⁾ Мартъ 1882 г.

Теперь вышелъ въ свѣтъ всего одинъ только выпускъ изданія г. Симакова, значить рано еще приступать къ изслѣдованію разнообразныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ разсмотрѣнія своеобразныхъ предметовъ далекаго Востока; къ такимъ вопросамъ относятся, прежде всего, вопросы о вліяніи древняго среднеазиатскаго искусства на искусство персидское, арабское, византійское и т. д. Но для рѣшенія такихъ многосложныхъ вопросовъ, выступающихъ теперь впервые на сцену, надо имѣть въ рукахъ весь запасъ матеріаловъ, притомъ же, текстъ, обѣщанный авторомъ и могущій разъяснить многое, появится, вѣроятно, не ранѣе окончанія и выпуска въ свѣтъ всѣхъ тетрадей атласа; но уже и теперь интересъ, возбуждаемый десятью таблицами 1-го выпуска, очень великъ и разнообразенъ.

Вотъ простой перечень того, что заключается въ 1-мъ выпускѣ (обозначенія предметовъ при рисункахъ пока еще нѣтъ):

Таблица 1-я. Заглавный листъ, весь составленный изъ оригинальныхъ среднеазиатскихъ бордюровъ, гдѣ главную роль играетъ орнаментъ, въ родѣ креста, но съ загнутыми концами—фигура, извѣстная на всемъ древнемъ Востокѣ, какъ знакъ и символъ „пожеланія добра“; въ древней Индіи она носила имя „свастика“.

Таблица 7-я. Нѣсколько великолѣпныхъ среднеазиатскихъ ковровъ, пестрыхъ, въ высшей степени колоритныхъ и полныхъ интереснѣйшихъ орнаментовъ.

Таблица 9-я. Металлическій кувшинъ той стройной и необыкновенно-изящной формы, которая намъ очень извѣстна въ подобныхъ же сосудахъ персидскихъ и арабскихъ.

Таблица 10-я. Предметы ювелирнаго искусства: брошки и подвѣски съ камнями и кораллами (кораллы играютъ всегда очень значительную роль въ средне-

азиатскомъ искусствѣ), ножи съ золотыми насѣчками, пряжки для пояса и т. д.

Таблицы 13-я и 16-я. Архитектурный орнаментъ изъ стюка на стѣнахъ—оригинальные прототипы болѣе поздней персидской и арабской орнаментистики.

Таблицы 19-я и 20-я. Орнаментистика того же стиля, но въ краскахъ и съ золотомъ, роскошно разсыпанная на выступахъ потолковъ: эти украшенія сдѣланы изъ дерева и сверху обклеены тоненькими полосками ярко и колоритно раскрашенной бумаги.

Таблица 33-я. Подобная же орнаментистика, но безъ золота и съ преобладаніемъ цвѣтовъ: синяго, желтаго, бѣлаго, зеленаго и чорнаго, какъ въ мавританской архитектурѣ. Это образцы фаянсовыхъ пластинъ, выложенныхъ по стѣнамъ.

Таблица 38-я. Орнаментація того же стиля, но трехъ цвѣтовъ: бирюзоваго, чорнаго и бѣлаго, съ узловатыми завитками и фигурами, похожими на древнія куфическія буквы. Въ числѣ подробностей этого листа является полукруглая колонка съ плоскою капителю.

Одинъ уже этотъ краткій перечень можетъ дать понятіе о богатствѣ, разнообразіи и многозначительности матеріаловъ, вновь вступающихъ въ исторію искусства. Все это крупная заслуга не только передъ нашею, но и передъ всею европейскою наукой. Эта задача давно уже лежала на нашихъ плечахъ. Мы присутствуемъ теперь передъ блестящимъ ея осуществленіемъ. Теперь не скажутъ болѣе, что одни только англичане издають въ свѣтъ образцы искусства своей Ост-индіи, или французы—своего Алжира. Съ изданіемъ г. Симакова въ рукахъ, мы займемъ почетное мѣсто въ ряду тѣхъ націй, которыя ревностно, тщательно и съ любовью даютъ узнать интеллигентному міру, что такое искусство Востока, откуда, по старинной европейской поговоркѣ, „Ex Oriente lux“.

(„Голосъ“, 10 марта 1882, № 64).

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

А. Искусство Средней Азіи. Сборникъ орнаментовъ и узоровъ, снятыхъ съ натуры на памятникахъ архитектурныхъ, и предметовъ гончарныхъ, ткацкихъ, ювелирныхъ и проч. членомъ, Самарской ученой экспедиціи Н. Симаковымъ въ 1879 году. Спб. 1882, въ листъ.

Первый выпускъ изданія г. Симакова появился въ свѣтъ въ мартѣ 1882 года, послѣдній (5-й) въ началѣ 1883 года. Такимъ образомъ, въ теченіе 10 съ небольшимъ мѣсяцевъ кончено изданіе очень многосложное и требовавшее большихъ усилій, и тѣмъ не менѣе превосходно выполненное. Печатано оно въ краскахъ и съ золотомъ, извѣстнымъ литографическимъ заведеніемъ г. Ильина, и въ этомъ отношеніи, по всей справедливости удостоено на мо-

сковской всероссійской выставкѣ 1882 года почетной медали за превосходное выполненіе. Что касается внутренняго его содержанія, то это—одно изъ тѣхъ изданій, какихъ у насъ мало, и которыя дѣлаютъ намъ необыкновенную честь какъ у себя дома, въ Россіи, такъ и въ Европѣ, потому что имъ несомнѣнно суждено имѣть крупное значеніе для науки.

Съ тѣхъ поръ, какъ огромныя пространства территории и многочисленныя населенія Средней Азіи перешли подъ русское владычество, на обязанности нашихъ ученыхъ, художниковъ и вообще нашихъ изслѣдователей лежало передать во всеобщее извѣстіе, какъ Россіи, такъ и Европы, свѣдѣнія о тѣхъ художественныхъ и этнографическихъ сокровищахъ, которыя таятся въ невѣдомыхъ до сихъ поръ среднеазиатскихъ странахъ. Задача эта, не выполненная конечно, но въ значительной долѣ выполнена теперь г. Сима-

ковымъ. Я говорю „не выполнѣ“, но это ничуть не можетъ идти въ укоръ г. Симакову.

Памятники средне-азиатскаго искусства такъ многочисленны и такъ разнообразны, что совершенно немислимо одному частному человѣку, не обладающему огромными средствами и выполнѣ свободнымъ временемъ, узнать и изучить ихъ всѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ Средней Азіи, и потомъ издать ихъ на свой счетъ. Для всего этого необходимы путешествія, труды, усилія и затраты очень многихъ добровольцевъ науки и искусства. По всему этому, невозможно требовать отъ изданія г. Симакова той полноты, которая желательна была бы для оправданія обширнаго заглавія „Искусство Средней Азіи“. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ, изданіе это есть капитальнѣйшій вкладъ въ науку объ искусствѣ. Вмѣстѣ съ нимъ выдвигается на сцену новый стиль, до сихъ поръ неизвѣстный.

Когда, въ мартѣ прошлаго года, былъ выпущенъ въ свѣтъ первый выпускъ г. Симакова, я его привѣтствовалъ съ глубочайшей симпатіей. Я тогда говорилъ („Голосъ“, № 64): „Имя г. Симакова не въ первый разъ появляется передъ публикой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Академія Художествъ приобрѣла у него два его альбома: одинъ чувашскій, другой мордовскій (по 26 листовъ каждый). Тамъ была собрана цѣлая масса образцовъ орнаментистики этихъ двухъ народностей: узоры съ полотенецъ, простынь, головныхъ уборовъ, узоры матерій и т. д. Но эти альбомы были составлены еще въ 1875 и 1878 годахъ. Въ 1879 г. организовалась „Самарская экспедиція“, имѣвшая цѣлью изучить вопросъ о направленіи средне-азиатской желѣзной дороги. Г. Симаковъ вошелъ въ составъ этой экспедиціи въ качествѣ художника-рисовальщика и археолога. Къ этой экспедиціи г. Симаковъ основательно приготавлился въ ташкентскомъ музеѣ (какъ о томъ рассказывали „Туркестанскія Вѣдомости“, 3 іюля 1879 года), и вывезъ изъ путешествія богатый альбомъ, котораго часть и является теперь въ свѣтъ“.

Изданіе г. Симакова заключаетъ 50 листовъ большаго формата. Большинство предметовъ, здѣсь изображенныхъ, является въ настоящую величину оригиналовъ, и потому будущій изслѣдователь имѣетъ возможность отдавать себѣ отчетъ въ наималѣйшихъ и тончайшихъ подробностяхъ общей формы и орнаментистики. Предметы, входящіе въ составъ атласа г. Симакова, представляютъ слѣдующія категоріи:

1) *Ткани и ковры*. Сюда принадлежатъ бухарскія шелковые ткани и шелковые бархаты; узкія дорожки ковровъ для фризоевъ палатокъ и собственно ковры туркменскіе и бухарскіе; шитье по атласу, сукну и кожѣ (листы II—VIII).

2) *Издѣлія ювелирные*, серебряныя и мѣдныя, изъ Самарканда и Ташкента: пряжки, застежки, подвѣски, налобныя украшенія, браслеты, серьги, ножны для сабель и кинжаловъ (листы X и XI).

3) *Металлическія издѣлія*: кумганъ мѣдный, старой коканской работы (листъ IX).

4) *Деревянные издѣлія*: рѣзные раскрашенные двери, потолки, сундуки, сѣдла, изъ городовъ

Самарканда и Туркестана, и бухарскіе (листы I, XIII—XV, XIX—XXXII).

5) *Издѣлія гончарныя*: посуда изъ Ташкента и Самарканда (листы XLII и XLV).

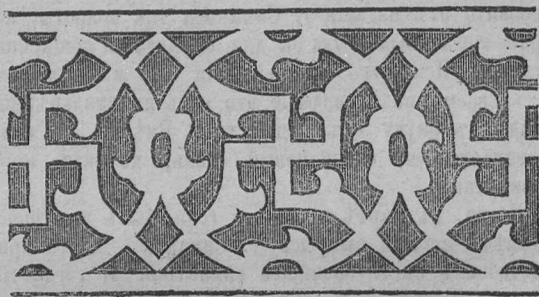
6) *Издѣлія изъ мрамора, мозаики, тисненого гипса и изразцовъ*, изъ Ходжента, Самарканда, изъ Хивинскаго оазиса и Кульджи (листы XII, XVI—XVIII, XXXIII—XLI, XLIII—XLIV). Наконецъ, листы XLVI—L заняты планами, разрѣзами и наружными видами нѣкоторыхъ изъ наиважнѣйшихъ средне-азиатскихъ зданій: самаркандской мечети, гдѣ схороненъ Тамерланъ (Гуръ-Эмиръ) и замка въ Шарѣ, гдѣ онъ жилъ.

Это краткое перечисленіе показываетъ богатство матеріала, вошедшаго въ составъ изданія г. Симакова. Теперь предстоитъ людямъ, занимающимся исторіей искусства, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, приняться за изслѣдованіе и разнатомированіе этого новаго стиля, вновьдвигаемаго въ науку о художественномъ творчествѣ народовъ. Я полагаю, что эта задача прежде всѣхъ другихъ европейскихъ націй принадлежитъ намъ, русскимъ: во-первыхъ потому, что памятники этого вновь выплывающаго на свѣтъ искусства находятся въ земляхъ, по большей части принадлежащихъ къ числу нашихъ владѣній, во-вторыхъ потому, что слѣды этого стиля мы находимъ на многихъ, даже, можно сказать, очень многихъ, издѣліяхъ древней Руси, такъ что нельзя сомнѣваться въ старинныхъ связяхъ и близкихъ отношеніяхъ нашего отечества съ древне-азиатскими странами и народами. Намъ предстоитъ, поэтому, путемъ сравненія, показать истинное коренное происхожденіе разныхъ художественныхъ формъ древней Руси, по недостатку матеріаловъ и пунктовъ сравненія считавшихся коренными русскими. Сверхъ того, нѣкоторые изъ нашихъ общественныхъ музеевъ и частныхъ коллекцій заключаютъ въ настоящее время уже не малое количество образцовъ разнообразныхъ средне-азиатскихъ издѣлій. Всего болѣе: въ Петербургѣ—музей Общества поощренія художествъ; въ Москвѣ—музей Политехнической и Дашковскій этнографическій; въ Ташкентѣ—археологическій и этнографическій музеи. Въ Парижѣ, въ этнографическомъ музеѣ, на Трокадеро, и въ Лондонѣ, въ Кенсингтонскомъ музеѣ, нынче также есть образцы средне-азиатскаго искусства; но эти образцы пока еще не многочисленны и мало разнообразны, хотя скоро могутъ, пожалуй, сравняться съ нашими. Правда, въ своемъ путешествіи въ Среднюю Азію, Уйфальви говоритъ: „За деньги можно получить отъ сарта что угодно. Посылайте имъ 25 рублей, говорилъ мнѣ городничій въ городѣ Туркестанѣ, они вамъ принесутъ хоть всю чудную мечеть Хазретъ“. (Т. II, стр. 52). А когда такъ, то французскіе и англійскіе путешественники скоро сдѣлаютъ то, что наши туркестанскіе коллекціи останутся позади ихъ коллекцій: тѣ вѣдь зѣвать не любятъ. Это еще покуда не случилось, и до настоящаго времени перевѣсъ все еще на нашей сторонѣ. Но, въ добавокъ къ нашимъ музеямъ, у насъ есть еще великолѣпный фотографическій альбомъ, сдѣланный по приказанію бывшаго туркестанскаго

генераль-губернатора Кауфмана, и содержащей, кромѣ богатаго отдѣленія снимковъ этнографическихъ, быть можетъ еще болѣе богатое и драгоцѣнное отдѣленіе снимковъ архитектурныхъ, съ изумительныхъ по роскоши и красотѣ созданий средне-азиатской архитектуры. Все это вмѣстѣ даетъ русскому изслѣдователю возможность изучить средне-азиатское искусство уже съ достаточною точностью и подробностью.

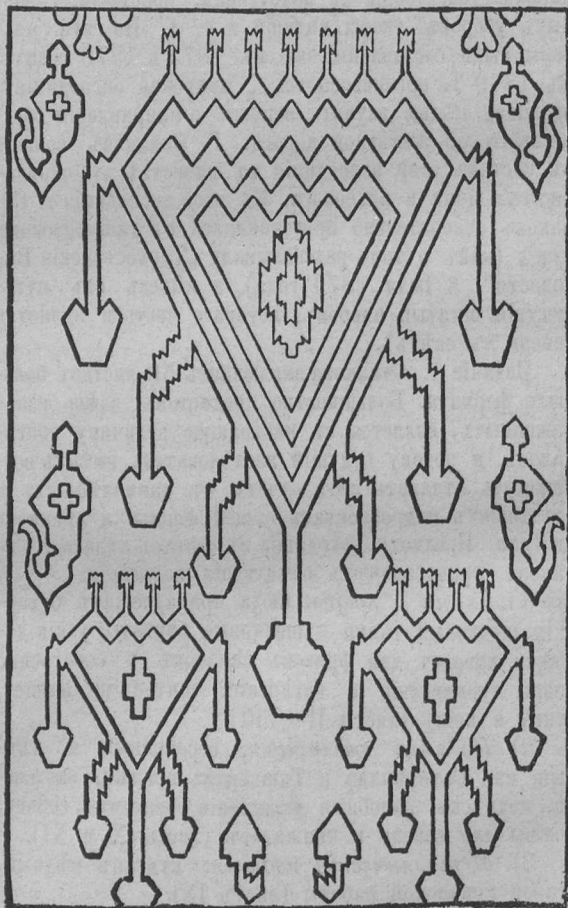
Но, кто бы ни былъ будущій изслѣдователь, русскій, французъ, нѣмецъ, или англичанинъ, ему необходимо будетъ дѣйствовать въ отношеніи къ средне-азиатскому художественному матеріалу точно такъ, какъ дѣйствовали въ отношеніи къ средне-азиатскому иному матеріалу филологъ и этнографъ: надо произвести напередъ анатомію по *главнымъ народнымъ группамъ*, а потомъ уже приступить къ анатоміи каждой отдѣльной группы. Если взять даже одной области Сыръ-Дарьинскую и Зеравшанскую (съ Ташкентомъ и Самаркандомъ во главѣ), то оказывается, что населеніе состоитъ здѣсь изъ киргизовъ, узбековъ, сартовъ, таджиковъ, татаръ, евреевъ, индійцевъ, афганцевъ, китайцевъ и персіянъ. У каждого изъ нихъ свой языкъ. Точно такое же „смѣшеніе языковъ“ легко замѣтить и въ средне-азиатскомъ искусствѣ. Средне-азиатское искусство не представляетъ ничего единичнаго, цѣлаго, односоставнаго. Нѣтъ, напротивъ, это конгломератъ творчества разнообразнѣйшихъ народностей: тюркскаго, иранскаго, индостанскаго, арабскаго, монгольскаго и нѣкоторыхъ другихъ еще племенъ. Это бросается каждому въ глаза. Что было тутъ коренное, и что наносное; какой пласть налегалъ на другой, и въ какой именно послѣдовательности времени и силы; какъ пришлые элементы вытѣсняли иногда почти вполне элементы мѣстные и коренные; какъ впоследствии эти элементы получали снова свою силу и преобладаніе; какое вліяніе оказывало въ разное время средне-азиатское искусство на искусство многихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ (что есть фактъ несомнѣнный)—вотъ что предстоитъ разсмотрѣть и доказать будущему изслѣдователю. Задача трудная и сложная, но блестящая. Тутъ прежде всего необходимо твердое знаніе разнообразныхъ стилей, присутствующихъ въ средне-азиатскомъ конгломератѣ. Надо умѣть выдѣлить элементы арабскіе и персидскіе (которыхъ образчики самые многочисленны въ конгломератѣ), потомъ элементы китайскіе и индійскіе, и затѣмъ уже указать, какія коренныя формы принадлежатъ собственно самой Средней Азіи. Въ этомъ смыслѣ, должно остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на украшеніяхъ стѣнъ, потолковъ и дверей,—первыя изъ мрамора, изразцовъ и пресованнаго гипса, вторыя и третьи изъ рѣзнаго и раскрашеннаго дерева: здѣсь арабскіе и персидскіе элементы особенно сильны, какъ и вообще во всей средне-азиатской архитектурѣ, хотя тутъ вездѣ чувствуется значительная примѣсь элементовъ собственно средне-азиатскихъ. Въ бытовыхъ предметахъ, какъ сѣдла, сундуки, металлическіе и гончарные сосуды, ювелирныя работы,—иноземныя вліянія несравненно менѣе чувствительны, оставляя самую главную роль на сторонѣ элементовъ мѣстныхъ. Что же

касается до издѣлій ткацкихъ, вышитыхъ и плетеныхъ (каковы матеріи разнаго рода, ковры, вышитые предметы самаго разнообразнаго назначенія и т. д.), то здѣсь, мнѣ кажется, надо искать самыхъ оригинальныхъ и коренныхъ проявленій средне-азиатскаго искусства и стиля. Какъ образецъ перваго моего положенія, я приведу орнаментацию сундука изъ Самарканда, изображенную на заглавномъ листѣ всего изданія, въ видѣ рамки или бордюра (№ 1).

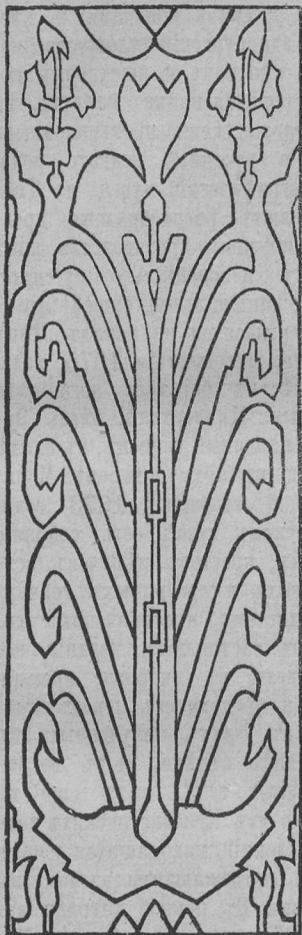
№ 1.

Основой всему здѣсь служитъ фигура, въ родѣ креста, такъ-называемая „свастика“, очень извѣст-

№ 2.

ная въ древнѣйшемъ индѣйскомъ, а потомъ индѣйскомъ буддѣйскомъ искусствѣ. Но здѣсь концы креста получили свою оригинальную туркестанскую прибавку цвѣточного характера, и подобными же цвѣточными орнаментами наполнены круги, составляющіе рамку вокругъ каждого отдѣльнаго креста. Весь орнаментъ — золотой, фонъ — голубой, что крайне изящно.

№ 3.

Я не стану приводить изъ изданія г. Симакова примѣровъ вліяній арабскихъ, персидскихъ и иныхъ что потребовало бы значительнаго мѣста, но за т, приведу три крупныхъ и въ высшей степени оригинальныхъ образчика орнаментаціи собственно средне-азиатской (№ 2 и 3; въ изданіи г. Симакова листъ № 2).

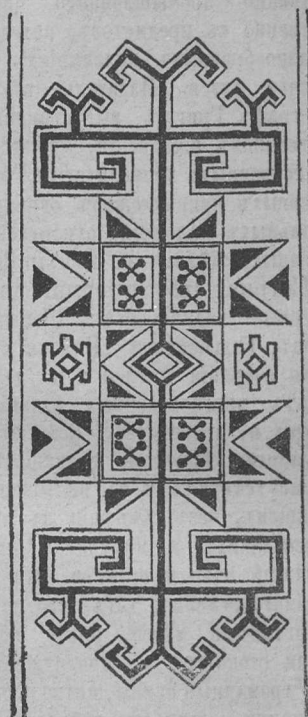
Это — матеріи изъ Великой Бухары, въ высшей степени самостоятельныя по рисунку и краскамъ, безъ сомнѣнія не имѣющія уже ничего общаго съ искусствомъ арабскимъ, персидскимъ, индѣйскимъ, китайскимъ и т. д.

Это — чистѣйшая сама Средняя Азія, которую не съ чѣмъ другимъ сравнивать изъ всего извѣстнаго на свѣтѣ по части рисунка и художественныхъ формъ. Далѣе я укажу на листѣ 4-мъ у г. Симакова множество оригинальнѣйшихъ узоровъ, вытканыхъ на шерстяныхъ бордюрахъ палатокъ киргизовъ: изъ нихъ я приведу для примѣра одинъ изъ самыхъ характерныхъ подъ № 4.

Здѣсь также присутствуютъ всѣ такія формы, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни въ какомъ другомъ искусствѣ, и которыя специально принадлежатъ Средней Азіи. Но, что особенно важно для изученія древнѣйшихъ художественныхъ и бытовыхъ формъ нашего отечества, надо замѣтить, что въ числѣ фигуръ на этомъ же 4-мъ листѣ г. Симакова встрѣчаются фигуры верховыя и фигуры пляшущія, поджавъ руки въ боки, точь-въ-точь такія, какія мы встрѣчаемъ на древнѣйшихъ узорахъ русскихъ полотенецъ. Для этого я укажу на мое изданіе: „Русскій народный орнаментъ“, С.-Петербургъ, 1872, 4°. Тутъ, на листахъ 70 и 71, изслѣдователь можетъ найти процессію верховъ, совершенно тождественную съ тою,

что изображена на 4-мъ листѣ у г. Симакова: человѣческая фигура сидитъ на конѣ точно также бокомъ, а коня ведетъ впереди за поводъ другой человекъ. На листахъ же: 53а, 59, 64, 65, 66, 69 и др. изслѣдователь найдетъ точно такія же фигуры женскія, поджавшія руки въ боки, какъ у г. Симакова на 4-мъ листѣ; даже костюмъ, кончающійся внизу чѣмъ-то въ родѣ штановъ, совершенно одинаковъ.

Когда, въ 1872 году, я издавалъ свой сборникъ русскихъ народныхъ узоровъ съ полотенецъ и проч. (по времени первый сборникъ подобнаго рода не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ), я указывалъ, съ подробными доказательствами, на происхождение нашего національнаго вышивнаго орнамента изъ двухъ источниковъ: отъ фин-

№ 4.

искскихъ племенъ и изъ Персіи. Вслѣдствіе нынѣшняго знакомства съ народнымъ стилемъ Средней Азіи, я считаю теперь, что, со стороны Востока, вліяніе на нашъ узоръ шло не изъ Персіи, а изъ Средней Азіи, которая точно также вліяла и на Персію.

Вообще замѣчу, что не только для изученія азіатскихъ стилей, но и древнѣйшаго русскаго, изданіе г. Симакова представляетъ неожиданные и драгоценныя новыя матеріалы.

(„Худож. Новостъ“, 15 февр. 1883, № 4, стр. 129—136).

B. Portfolio of Russian art. Produced and published for the Committee of Council on education. London. 1883. f°. (*Портфель русскаго искусства, издаваемый комитетомъ воспитательнаго совѣта. Лондонъ 1883, въ л.*)

Русскій орнаментъ въ старинныхъ образцахъ художественно-промышленнаго производства. Исполнилъ Н. Симаковъ. Спб. 1882, въ л.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Лондонѣ стало выходить въ свѣтъ изданіе, очень любопытное для всѣхъ, интересующихся значительными произведениями художественной промышленности. Это „Portfolio of industrial art“, издаваемое подъ покровительствомъ высшаго управленія Кенсингтонскаго музея (Science and Art Department of the Committee of Council on education, South-Kensington